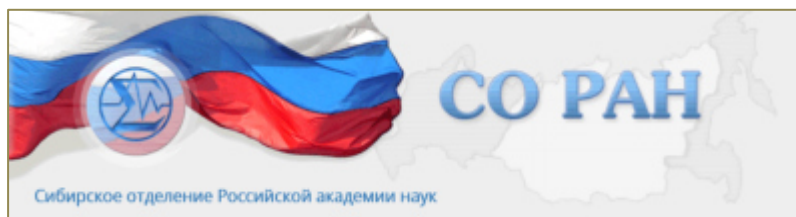

□ С. И. ШАРИНА

ПРИЧАСТИЯ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

(НА ПРИМЕРЕ ЛАМУНХИНСКОГО ГОВОРА)

PARTICIPLES AND ADVERBIAL PARTICIPLES IN THE EVEN LANGUAGE

(ON THE EXAMPLE OF LAMUNKHINSKIY DIALECT)

Аннотация

В статье рассматриваются инфинитные формы глагола в ламунхинском говоре эвенского языка: причастия и деепричастия. В отличие от восточных говоров состав причастных и деепричастных форм в говоре представлен значительно шире. Фиксируется употребление ранее не выявленных в говоре причастий: долженствовательного, причастия возможного действия со значением долженствовательности, страдательного причастия. На основании морфологических критериев и семантического наполнения обособляются в отдельные разряды совершенное причастие и причастие удобства для совершения действия. В состав деепричастных форм включается форма деепричастия невозможности/нежелания совершать действие.

Ключевые слова

эвенский язык, ламунхинский говор, глагол, инфинитные формы, причастия, деепричастия

Abstract

The article considers infinitive forms of the verb in the Lamukhinskiy dialect of the Even language: participles and adverbial participles. Unlike the eastern dialects, the composition of participle and adverbial participle forms in the dialect is much wider.

The use of previously unidentified participles is recorded: an obligatory, participle of a possible action with the meaning of an obligatory, passive participle. In the base of morphological criteria and semantic filling, the perfect participle and communion of convenience are separated into different categories. In the composition of adverbial participle forms are included the form of the gerund of impossibility / reluctance to perform an action.

Keywords

The Even language, Lamukhinskiy dialect, verb, infinitive forms, participle, adverbial participle.

Традиционно к инфинитным формам глагола относят причастия, деепричастия, а также инфинитив и имена действия как особые формы глагола. В эвенском языке их различие и отнесение по различным грамматическим классам, обладающим определенными грамматическими категориями и семантикой, не вызывает особых трудностей. Однако, насколько можно судить по материалам недостаточно изученных и не имеющих систематического описания говоров и диалектов, отмечается функционирование форм, которые отсутствуют в существующих описаниях эвенского языка. Следует также подчеркнуть и наличие некоторых нерешенных вопросов и спорных точек зрения, связанных с составом и грамматическим статусом причастных и деепричастных форм эвенского языка.

В данной связи более детальное рассмотрение наиболее употребительных в эвенском языке отглагольных образований – причастий и деепричастий – в одном из интереснейших эвенских говоров – ламунхинском – важно для пополнения данных по частным вопросам морфологии и синтаксиса в области тунгусо-маньчжурского языкознания.

В ламунхинском говоре в отличие от других говоров западного наречия причастия и деепричастия представлены более разнообразно. При описании данного говора Р.П. Кузьмина отмечает функционирование причастий настоящего времени (суфф. *-ри/-ди/-ти*), прошедшего времени (*-ча/-чэ, -даң/-дэң, -таң/-тэң*), недавнопрошедшего времени (*-мат/-мэт*), давнопрошедшего времени (*-тла/-тлэ*), будущего времени (*-диңа/-диңэ, чиңа/-чиңэ, -бган/-бгэн/-бгөн*) (Кузьмина, 2010: 52-53).

Форманты, отнесенные в группу морфологических показателей причастия прошедшего времени, имеют некоторые различия. Рассмотрим примеры: *Намичан һутчэ́нни бэрипчэ, абага́-гү та́данча, һэ́луки-гү дэ́бчэ*. `У важенки потерялся олененок, то ли медведь задрал, то ли волк съел`. (1) *Но́ңон, һа́йпучав о́дай, индэ́ндэй дб́мкаттан*. `Он думал остаться еще на один день, чтобы отремонтировать сломанное`. (2) Причастие, образуемое при помощи суффикса *-ча/-чэ* при его предикативном (1) и атрибутивном (2) употреблении обозначает завершенное действие.

Причастная форма на *-даң/-дэң, -таң/-тэң* также имеет значение прошедшего времени, например: *Бөйөл ноңман алачалдаңатна гөр өдни*. `Люди давно его ждали`. *Олукагду толкумтадаңи дбнни*. `Вдруг вспомнил про то, что снилось`. *һөйав анүанив буйустэңэн, уйамкамидаңан, һэгэпу һэпкүдэңэн һөйаду ноңман таткаттин*. `То, что он много лет охотился, ходил на горного барана, ловил соболя, многому его научило`.

Синтаксические функции причастия на *-даң/-дэң, -таң/-тэң* могут быть определены как функции вторичного предиката (аналог определительных придаточных конструкций). В атрибутивной и предикативной функциях данные формы, по нашим наблюдениям, не употребляются. Как показывают примеры, причастная форма на *-даң/-дэң, -таң/-тэң* имеет значение незавершенности или относительного предшествования. Поэтому причастие с суффиксом *-ча-/чэ-* можно называть **перфектным причастием**.

Из выделенных формантов причастия будущего времени следует обособить показатели *-бган/-бгэн/-бгөн*, которые образуют отдельные причастия, выражающие отсутствие препятствия при совершении действия: *таңабгон книгэ* `удобная для чтения книга`, *нулгөбгөн бидэй* `чтобы не было препятствий при кочевке`. Примеры: *Ноңон йав-да гөнин нан тэлэңнин, һө утологон*. `Что бы он ни говорил и рассказывал, все удобно для понимания`. *Бөүкэтэ бими, төвлибгөн*. `На сопке удобно собирать ягоды`. Данная форма названа В.А. Роббеком **причастием удобства для совершения действия** (Роббек, 2007: 528).

По нашим данным в ламунхинском говоре употребительна форма **долженствовательного причастия** с суффиксом *-нна/-ннэ*. Примеры: *Бадикар бадич балаккадук нэдникэн һиһэчин өк мучуннай он-дакит этэнни һәр*. `Уйдя из палатки рано утром, когда должен будет возвратиться вечером, не знает`. (3) *Эрөв инэңив йав нэкэннэй, өмөн иландули илэ исаннай, йав бчиннай һамулкаваттан*. `Раздумывает, чем сегодня должен будет заниматься, куда должен будет дойти за один месяц, что должен сделать`.

(4) *Ирөв-таров додану нэкурдук ганнав биһин.* `Всеякие вещи должен был забрать из лабаза (я)`. (5) *Иһаннавур тһөррэ эдлэн һатаралла иһракатно ай биннэвэн һәр.* `Знают, что должно быть хорошо, если доедут до места, куда должны доехать, до наступления сумерек`. (6)

Долженствовательное причастие в говоре может оформляться лично-притяжательными суффиксами (5, 6), возвратно-притяжательными суффиксами (3, 4, 6) и принимать падежные суффиксы (6).

В ламунхинском говоре отмечается функционирование причастной формы, которая отсутствует в существующих описаниях эвенского языка, хотя ее можно встретить и в восточных, и в западных

говорах (Шарина, 2016). Это **причастие возможного действия со значением долженствовательности** с суффиксом *-һка/-һкэ*. Например: *Би унтоу Үанһаһоһко биһив.* `Я должна была сшить унты, вроде как`. *Эрөв инөһив муһак оһко биһин.* `Сегодня вроде как должно состояться собрание`. *Ноһортон тарак тһөррэ һулгөнкө биһитнө.* `Они, вроде как, должны перекочевать на ту землю`.

В ламунхинском говоре форма причастия возможного действия со значением долженствовательности не изменяется по числам, падежам и формам принадлежности. Почти во всех случаях причастие употребляется в сочетании со вспомогательным глаголом *бидэй* `быть`.

В ламунхинском говоре отмечается употребление **страдательного причастия** на *-на*. Данное причастие рассматривалось В.Д.Лебедевым как результивное (Лебедев, 1978: 90; Лебедев, 1982: 113). Судя по семантике и отсутствию морфологических залоговых показателей, встречающихся в причастиях других разрядов, данная грамматическая форма является пассивным (страдательным) причастием. Примеры: *Адив-да инөһив бэрнэв һирчав гэлэттөм.* `Несколько дней искал мою потерянную дойную важенку (я)`. *Айһвна буги һө өдһарам* `Любимую родину очень берегу`.

В говоре отмечается высокая частотность употребления перфектного причастия, причастия прошедшего времени, менее активно употребляются причастия недавнопрошедшего и давнопрошедшего времени.

Деепричастие представляет собой инфинитную форму глагола, обозначающую действие, выступающее как добавочное к основному действию, выраженному финитным глаголом, имеет признаки как глагола, так и наречия.

В ламунхинском говоре Р.П. Кузьминой выделяются следующие разряды деепричастий: неизменяемые – условно-временное деепричастие (с суффиксом *-ми*; деепричастие

предела (-кон/-кэн/-көн), последовательное деепричастие (-мнин); изменяемые по числам – одновременное деепричастие (-никан/-никэн, -никаһол/-никэхөл), разновременное деепричастие (-риди/-ниди/-тиди, -ридур/-нидур/-тидур, -риканди/ -рикандур, -тиканди/-тикандур, -никанди/-никэнди/-диканди), деепричастие одновременно-длительного действия (-мойади/мөйэди, -нтакан/-нтэкэн, -нтакаһал / -нтэкэхэл); изменяемые по лицам и числам – условно-временное деепричастие (-рак/-рэк, -дак/-дэк, -нөк), деепричастие цели (-да/-дэ), одновременное давнопрошедшее деепричастие (-һи, во всех других говорах -һи), деепричастие предшествующего действия (-тла/-тлэ), деепричастие последующего действия на (-чала/-чэлэ). Автором на основании морфологических критериев в ламунхинском говоре выделены деепричастные формы, которые отсутствуют в литературном языке, это – суффиксы разновременного деепричастия -риди/-ниди/-тиди, -ридур/-нидур/-тидур, -риканди/ -рикандур, -тиканди/-тикандур, -никанди/-никэнди/-диканди и **деепричастие одновременно-длительного действия** с суффиксами -мойади/мөйэди, -нтакан/-нтэкэн, -нтакаһал /-нтэкэхэл (Кузьмина, 2010: 53-55).

Кроме вышеперечисленных причастий и деепричастий, следует остановиться на одной аналитической конструкции с предикатным актантом, выраженной глагольной основой с суффиксом -һа/-һэ, к которой добавляется финитная форма отрицательного вспомогательного глагола со значением «не мочь, быть не в состоянии». Аналитическая конструкция обозначает невозможность или нежелание совершать действие, например: *дёмкатһа туркурэм* `не могу вспомнить`, *һуннан дукһа* `не умеет писать`, *өсэрэм гиркаһа* `я не в состоянии ходить`, *олбаллан хөрһэ* `он не в состоянии ехать`, *гургэвчиһэ бәнни* `тебе лень работать`. В грамматических работах и диалектных описаниях по эвенскому языку статус данной формы четко не определен, хотя она встречается во всех описанных говорах и диалектах.

В.И. Цинциус относил форму на -һа/-һэ к причастиям с некоторым сомнением: «Глаголы, которые в таких сочетаниях выражают основное значение, принимают или форму специального причастия (?) с суффиксом -һа/-һэ...» (Цинциус, 1947: 205). Далее автор классифицирует её как отрицательно-неопределенное причастие: «Причастие отрицательно-неопределенное с суффиксом -һа/-һэ употребляется с отрицательными модальными глаголами...» (Цинциус, 1947: 210).

При описании ольского говора К.А. Новикова отмечала: «Аффиксальный элемент -һа/-һэ – это, во-видимому, причастный формант <...> употребляющийся в аналитических конструкциях с отрицательными вспомогательными глаголами», этимологически соотнося -һа/-һэ с суффиксом одновременного деепричастия давнопрошедшего времени -һи, показателем причастия прошедшего времени -даһ/-дэһ и причастия будущего времени -диһа/-диһэ (Новикова, 1980: 103). Однако далее, при описании причастий ольского говора, данный формант автором не классифицируется в числе причастных показателей.

Вслед за указанными авторами В.Д. Лебедев отмечает наличие данной формы в говорах эвенов Якутии: «...причастия с суфф. -*на/-нэ*, которые употребляются с отрицательными модальными глаголами типа олбалдэйи, туркудэйи “не мочь”, баадайи “лениться”» (Лебедев, 1978: 91). При описании охотского диалекта он называет данную форму отрицательно-неопределенным причастием (Лебедев, 1982: 116).

В последующих исследованиях по эвенскому языку и его диалектов эта форма не классифицируется как причастие, хотя формант обнаруживается во всех описанных

восточных и западных говорах. Так, Х.И. Дуткин при описании аллаиховского говора приводит следующее: «...в говоре встречаются отрицательно-модальные глаголы, обозначающие невозможность совершения действия <...>, сочетающиеся с неизменяемой формой тематического глагола (показатель *-на*)» (Дуткин, 1995: 48).

Причастию как самостоятельному грамматическому классу присуща собственная семантика и определенные морфологические категории. Сомнения и неуверенность исследователей эвенского языка при отнесении форманта *-на/-нэ* к причастиям, видимо, объясняются неопределенностью грамматического статуса и несоответствием грамматических особенностей формы на *-на/-нэ* причастиям, обозначающим признак предмета по действию или само действие, соотносясь по семантике с прилагательными. Во-первых, важнейшим грамматическим признаком тунгусо-маньчжурских причастий считается категория времени, глагольная же форма на *-на/-нэ* не обладает этой категорией непосредственно, вне финитного отрицательного вспомогательного глагола. Во-вторых, глагольные слова, оформленные суффиксом *-на/-нэ*, не обозначают признак, возникший в результате действия, т.е. им не характерен основной признак причастия. В-третьих, данная форма не склоняется, не принимает именной суффикс множественного числа и не имеет притяжательную форму. Так, основываясь на грамматических признаках, которые исключают наличие категории времени, падежное и притяжательное оформление формы, невозможность изменения по числам, мы склонны считать, что элемент *-на/-нэ* не относится к причастным формам.

По своей специфической семантике глаголы, оформленные суффиксом *-на/-нэ*, используются только с финитными формами отрицательных вспомогательных глаголов со значением «не мочь, быть не в состоянии» в составе аналитической конструкции. В эвенском языке насчитывается несколько таких глаголов: *туркудэй* `не мочь что-либо сделать`, *өсэдэй* `быть не в состоянии, не мочь что-либо сделать`, *нундай* `не быть в состоянии сделать что-либо`, *албадай* `не мочь, не быть в состоянии`, *олбадай* `опаздывать, не успевать что-либо делать`, *хэдэй* `не мочь, быть не в состоянии что-либо сделать`, *бадай* `лениться`. Приведенные глаголы в составе аналитической конструкции могут еще использоваться с условными деепричастиями на *-ми* и с деепричастиями цели на *-да/-дэ-та/-тэ*. Например: предикатный актант *гөңэ туркурэм* `не могу сказать` соотносим с аналитическими конструкциями *гөндэй туркурэм* `не могу сказать`, *гөсчими туркурэм* `пытаюсь сказать, не могу`; предикатному актанту *гиркаңа туркутни* `не может ходить` соответствует *гиркасчими туркутни* `пытаюсь ходить, не может`; конструкция *хөрүңэ банни* `ленишься идти` параллельна *хөрдэй банни* `ленишься идти` и т.д.

Рассматриваемая форма сопоставляется с другими деепричастиями и в одинаковом управлении винительным падежом, например: *нөңчаку туркурэм пэктэрэннэ* `не могу стрелять в волка` – *нөңчаку пэктэрэникэн* `стреляя в волка` (одновременное деепричастие), *нөңчаку пэктэрэми* `если стрелять в волка` (условно-временное деепричастие), *нөңчаку пэктэрэмнин* `как только выстрелил в волка` (последовательное деепричастие), *нөңчаку пэктэрэриди* `выстрелив в волка` (разновременное деепричастие); *учаки гэлэтнэ туркун* `не может найти верхового оленя` – *учаки гэлэтникэн* `разыскивая верхового оленя` (одновременное деепричастие), *учаки гэлэтми* `если искать верхового оленя` (условно-временное деепричастие), *учаки гэлэтниди* `поискав верхового оленя` (разновременное деепричастие) и т.д.

В тунгусо-маньчжуроведении деепричастие определяется следующим образом: «...деепричастиями мы называем те специальные разряды глагольных слов, которые образуются от глагольных основ посредством особых деепричастных окончаний, выражающих видо-временные и модальные значения, а также зависимость или подчиненность данного деепричастия какому-либо другому глагольному слову – причастию, именной форме глагола, собственно глаголу или деепричастию» (Суник, 1962: 264).

Рассматриваемые аналитические конструкции с предикатными актантами, характеризующиеся наличием глагольных слов, оформленных суффиксом *-һа/-һэ*, имеют признаки глагола – семантику, выражающую действие, выполнение которого невозможно или нежелательно и способность управлять винительным падежом. Неспособность форм на *-һа/-һэ* изменяться и согласовываться также присуща деепричастиям (неизменяемые причастия на *-ми, кан/-кэн, -мнин*).

Все эти обстоятельства в совокупности позволяют нам признать глагольные слова, оформленные суффиксом *-һа/-һэ*, отдельной деепричастной формой эвенского языка, имеющей распространение во всех диалектах и говорах – восточных и западных. Предварительно их можно назвать **деепричастиями невозможности/нежелания совершать действие**.

В ламунхинском говоре деепричастие невозможности/нежелания совершать действие встречается в основном с финитной формой отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* ‘не мочь, быть не в состоянии’. Структура аналитической конструкции в говоре следующая: в предложении сначала обязательно стоит глагольная основа с суффиксом *-һа/-һэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* ‘не мочь, быть не в состоянии’, *албадай* ‘не мочь, не быть в состоянии’, *олбадай* ‘опаздывать, не успевать что-либо делать’, или *бāндай* ‘лениться’. В восточных говорах такого строгого порядка следования составных частей аналитической конструкции не придерживаются.

Примеры с деепричастиями невозможности/нежелания совершать действие в ламунхинском говоре: *Он-да мөндэһэ туркуттин*. ‘Никак не смог найти (он)’. *Көһөчөлдэ аймакан орол таһнавутно, өмөм дэ урөчөлү бакһа туркудис*. ‘Посмотрите хорошенько на олени рога, ни одного похожего не сможете найти.’ *Өбгэп-тэ, дилики-да бөһкөв кэвриһэ туркудир*. ‘Ни соболю, ни горностаю не смогут разгрызть лёд.’ *Танмари, төгэчин долиһ хэссэки мөндэтһэ туркудни*. ‘Сквозь туман и облака внизу ничего не мог найти (он)’.

В говоре возможно использование второй составляющей аналитической конструкции – отрицательного вспомогательного глагола *туркудэй* ‘не мочь, быть не в состоянии’ – в форме разновременного деепричастия в единственном или множественном числе. Например: *Ноһон, аканни мэнди тэһлэһниһэн алатһа туркуриди, улгимидни*. ‘Он спросил, так и не дождавшись, что брат сам расскажет.’ *Өкэтэл һонһачал, маһчиһа туркуридуһ, һэнэди өкэллөттэ*. ‘Особо любящие молоко олени, не выдержав, приходят и сосут важенок’.

Итак, приведенное дает основание выявить следующие особенности в функционировании инфинитных форм глагола в ламунхинском говоре:

1. На основании морфологических критериев в ламунхинском говоре выделяются следующие 10 разрядов причастий: настоящего времени, перфектное, прошедшего времени, недавнопрошедшего времени, давнопрошедшего времени, будущего времени, долженствовательное, удобства, возможного действия со значением долженствовательности, страдательное.

2. В говоре употребительны следующие 12 деепричастных форм: условно-временное, предела, последовательное, одновременное, одновременно-длительного действия, разновременное, условно-временное, цели, одновременное

давнопрошедшее, последующего действия, предшествующего действия и деепричастие невозможности/нежелания совершать действие.

Литература

- Дуткин, Х. И. (1995). *Аллаиховский говор эвенов Якутии*, СПб: Наука, с. 144.
- Кузьмина, Р. П. (2010). *Язык ламунхинских эвенов*, Новосибирск: Наука, с. 115.
- Лебедев, В. Д. (1978). *Язык эвенов Якутии*, Ленинград: Наука, с. 208.
- Лебедев, В. Д. (1982). *Охотский диалект эвенского языка*, Ленинград: Наука, с. 243.
- Новикова, К. А. (1980). *Очерки диалектов эвенского языка*, Ленинград: Наука, с. 243.
- Роббек, В. А. (2007). *Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте*, Новосибирск: Наука, с. 725.
- Суник, О. П. (1962). *Глагол в тунгусо-маньчжурских языках*, Москва, Ленинград, с. 363.
- Цинциус, В. И. (1947). *Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка* Ленинград, с. 270.
- Шарина, С. И. (2017). Причастие в нижнеколымском говоре эвенского языка. *Сибирский филологический журнал*. Новосибирск, №4. с. 264-270.
- Шарина, С. И. (2016). Деепричастие в нижнеколымском говоре эвенского языка. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. Якутск: ИГиПМНС СО РАН, №4 (17). с. 106-111.